

4. Кузнецов Ю.Б. Поэтика прозы Михайла Коцюбинського. – К., 1989. – 268 с.
5. Кузнецов Ю. Импрессионизм в украинській прозі кінця XIX – початку XX ст.: Проблеми естетики та поезики. – К., 1995. – 304 с.
6. Левицький М. Оповідання. – Т. 1. – К., 1918. – 269 с.
7. Лосев А. Проблемы символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – 260 с.
8. Шумило Н. Проза Степана Васильченка: Питання поезики. – К., 1986. – 239 с.

Музика О.В.

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Вербальный язык традиционно связан с невербальным, оба они являются национально обусловленными. Общеизвестно, что каждая культура хранит свой собственный набор основных значений, так называемые “культурные сценарии” (в терминологии А. Вежбицкой), по которым в языке жестов происходит отбор одних форм и отвержение других. В своих трудах автор отмечает, что семантика невербальной коммуникации ставит перед исследователем те же проблемы, что и семантика естественной языковой. “Природа невербальных значений такая же, как природа значений, кодируемых естественными языками”, считает Н. Д. Арутюнова [1, 24].

В лингвистике вопросам соотношения вербального и невербального языков посвящены работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. А. Акишиной, А. К. Байбурина, Т. В. Булыгиной, А. Вежбицкой, В. Е. Гольдина, И. Н. Горелова, Г. Е. Крейдлина и др.

Считаем необходимым опираться на труды А. А. Реформатского, который утверждал, что без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека и каково ее соотношение с вербальной деятельностью, “немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесс” [8]. Г. Кара-Мурза пишет о так называемых “невербальных текстах”, которые могут быть красноречивее слов: “Слово (и текст) стали рассматриваться лишь как частное выражение более широкого понятия – знака” [4, 22]. Там же отмечается, что по оценкам американских психологов (Дж. Руш), язык жестов насчитывает 700 тысяч четко различимых сигналов, в то время, как самые полные словари английского языка содержат не более 600 тысяч слов.

Этикетность в поведении зафиксирована даже у животных. По-видимому, на самых ранних этапах развития человеческого общества и возникновения коммуникации жесты играли огромную, если не преобладающую роль (общеизвестно, что улыбка имеет первоначальный смысл угрозы, но сегодня в совокупности с дружелюбными жестами она обозначает удовольствие или доброжелательность).

В данной статье мы попытаемся уловить момент перехода от жеста к номинации, фразеологизму на материале русских волшебных сказок, что позволяет

нам зафиксировать примеры употребления невербального этикета и сопоставить данный материал с тем, какие формы сохранились, а что утрачено. Некоторые жесты перешли из сферы невербалики во фразеологизмы и сохраняются в современном русском языке (“бить челом”, “челобитная”, “передавать поклон” “кланяться” в значении “передать привет”, “целовать ручки” и т.д.).

Г. Е. Крейдлин, посвятивший описанию русской жестовой системы и кинетическому поведению монографию “Невербальная семиотика”, утверждает, что “языки жестов имеют свою историю и складывающуюся в ходе исторического развития структуру единиц – сеть элементов и отношений между ними” [5]. Современное пособие по речевому этикету [7] приводит более 20 речезыкетных ситуаций, в сказках же нами зафиксированы следующие 6 – приветствие, прощание, извинение, благодарность, обращение, просьба. Картотека составляет 500 примеров, в 10 % из которых используются невербальные способы коммуникации. Опишем ситуацию приветствия.

При встрече знакомые и незнакомые люди здороваются. В какой форме будет проходить ситуация приветствия, зависит от традиций, культурной и национальной принадлежности, социального статуса, обстоятельств, от воспитания.

Сказки сохранили и донесли до наших дней модели поведения русского человека в древности. Речезыкетная формула, предписывающая “кланяться в дороге всякому встречному и поперечному”, постепенно вышла из употребления в сфере невербальной этикетной коммуникации и перешла в вербальную – фразеологизмы типа “велите кланяться”, передавай поклон родным”, “кланяйся от меня” и т.д.

То, что поклон был необходимым этикетным жестом в ситуации приветствия, отражено в пословицах русского народа: “С поклому голова не заболит”, “Поклоном поясницы не переломишь”, “Хороша шла, да не поклонилась, давал грош, да не воротилась” [6, 65]. Интересно, что жест склонения головы, поклон наблюдается и в поведении животных, особенно в ситуациях определения лидерства. У А.К.Байбурина находим: “русская манера кланяться отличала их от западных соседей. Поляки приветствуют друг друга высокими выражениями и не так низко кланяются, как русские. У белорусов мужчина и женщина приветствуют друг друга только небольшим наклоном головы, причем оба в одно время говорят: “Здаровинька!” [3, 80]. “В XIX веке на Руси в среде воспитанных людей было принято передавать кому-либо поклоны, а не приветы (слово “привет” означало в то время “приветливость”, а сочетание передать привет в его современном смысле вошло в употребление в 20-е годы прошлого столетия)”. Далее автор указывает на то, что в русской культуре бытовой обычный поклон является знаком вежливости и уважения [3, 113].

Основная номинация – существительное поклон – в текстах русских волшебных сказок встречается в сочетании с наречиями низко, ласково, подчеркивающими характер исполнения жеста, его физическую реализацию. Глубина поклонов зависела от статуса партнеров и характера ситуации. Например: “Приехали к королю,

поклонились ему, низко и молвили: – Многолетно здравствуй, государь!” (№140). Постпозиция наречия усиливает значение этого невербального этикетного жеста, придает ему особую семантику по отношению к высшему лицу государственной власти (царю, королю). “Асон ... поехал во дворец ... вошел в белокаменные палаты и отдал королю поклон ... (№92). В одной из сказок описывается поклон в ответ на приветствие высшего лица по отношению к низшему в рамках социальной иерархии (ответный поклон царевны солдату): “Входит в палату прекрасная царевна ... Солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась. – Здравствуй, служивый!” (№273). Это ярко характеризует существующие в обществе отношения – уважение и доброжелательность к незнакомым людям, стоящим ниже на социальной лестнице.

Следующий пример описывает последовательность поклонов: “Иван вошел в царские покои, помолился на святые иконы, поклонился царю и вымолвил ...”(№185). В “Задуманном слове” (1866 год) С. В. Максимов отмечает, что “в некоторых ситуациях, например, при входе в чужой дом, строго выдерживалась последовательность поклонов ... Русские люди, переступая через чужой порог, обыкновенно молятся иконам и кланяются в пояс хозяевам: первый поклон Богу, второй – хозяину с хозяйкой, третий – всем добрым людям”, т.е. устанавливалась определенная иерархия адресатов. В других ситуациях в одном поклоне совмещено: и Богу, и земле, и людям.

В сказке “Чудесный ящик”... парень спустился под землю, видит дом, входит в него; человек с двадцать мужиков стали на все ноги, поклонились и все в голос: – Здравствуй, Иван-царевич! Парень изумился: Какая честь! (№189) описан ответный поклон-приветствие, принятый как этикетный жест для встречи лица высокого социального статуса. В русском языке есть и такие выражения, как “кланяться в пояс”, “отвешивать поклон” (согласно словарю В. Даля, это “низко кланяться, перегибаясь в поясе”), гнуть спину перед кем-либо, кланяться в ноги или бить земные поклоны, которые передают разную степень наклона и обозначают разные поклоны.

Следующие 2 примера зафиксировали ситуацию приветствия мифологических персонажей – Бабы-Яги и чертенка. 1. “Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: – Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь? (№58). 2. Чертенок тут как тут – стоит перед ним, кланяется: Здоров, служба! Тебе что надо?” (№107). Первый пример носит былинный характер. Вербальный и невербальный этикет органично сочетаются и передают точные требования речеповеденческих тактик и стратегий поведения, принятых в обществе. Во втором примере, по-видимому, глагол “кланяется” уже используется не в прямом, а в переносном значении – т.е. “здоровается”: семантика глагола перешла из невербальной в вербальную область. Эту мысль подтверждает следующая ситуация, описанная в волшебной сказке № 155: “Отправляясь на ярмарку, матушка наказала сыновьям в дороге. Как пойдете... отдавайте поклон всякому встречному и поперечному ...” Не выполнив этот наказ, сыновья извиняются перед незнакомым стариком, встреченным ими в пути: “Прости нас,

дедушка, что прошли не здороваясь”. В тексте указывается на форму “не здороваясь”, а не поклонившись. Формула “отдать поклон” используется в значении “здороваться”, из области невербалики перешла в вербальную. Например: “Асон ... поехал во дворец... вошел в белокаменные палаты и отдал королю поклон ...”(№92).

В наши дни используется выражение “передать поклон”, сохранив семантику “отдать поклон = поздороваться, пожелать человеку здоровья, показать свое доброжелательное и уважительное отношение к адресанту. Допустимой в современной речи является формула “Поклонись от меня кому-либо”, пришедшая из древности. Например, “Говорит царь-девица дядьке – Поклонись от меня Василью-церевичу да скажи ему, чтоб ... (№233). В современном пособии по речевому этикету отмечено то, что словесное приветствие сопровождается невербальными знаками с такой же семантикой:” женщины – плавным наклоном головы, мужчины – легким наклоном верхней части туловища и (или) головы, молодые люди – такими же, но немного ниже наклонами [7, 128].

Поклон для большинства культур, включая русскую, является жестом почтительной вежливости. “Культурные расхождения в жестах приветствия и прощания, как и в тактильном взаимодействии людей в целом, по существу являются различиями в семантике самих жестов, а также различиями в функциях и степени значимости и тактильного поведения для данной культуры”, – отмечает Г. Е. Крейдлин [5, 448].

Поцелуй как невербальный знак – обычный способ выражения приязни гостю в культуре русского народа. Поцелуи совершались не только при встрече, но и при прощании людей друг с другом. “Русские ... целуются ... всегда, ибо это у них нечто вроде приветствия, как среди мужчин, так и среди женщин – поцеловаться, прощаясь друг с другом или встречаясь после долгой разлуки”, – ссылается А. К. Байбури на впечатления Манжерета [3, 56]. Волшебные сказки зафиксировали этот невербальный коммуникативно-этикетный знак. Например: 1. “Пошел он к своей сестрице, та обрадовалась, кинулась к нему навстречу, обнимает, целует: – Милый братец! ...” (№83). 2. “Отец увидел, обнимает, целует ее, спрашивает: – Как тебя Бог милует, дочка моя любимая?” (№106).

А. К. Байбури считает, что непосредственным предшественником и источником этикетного поцелуя у русских был не любовный, а ритуальный поцелуй: “Этикетный поцелуй возник на основе ритуального, в значительной степени усвоив себе его мифопоэтический смысл” [3, 52]. Автор предполагает скрытый смысл в пожелании здоровья при поцелуе. Само название поцелуя связывает его с одной из наиболее значимых идей славянской картины мира – с идеей полноты, целостности. Славянский корень *selъ* восходит к индоевропейскому * *koil-*, с которым связаны обозначения здоровья, а также и обозначения святости; таким образом, сама этимология корня *cel-* свидетельствует о том, что поцелуй несет пожелание быть целым, цельным, здоровым [9, 206].

Таким образом, в русских волшебных сказках в речезтикетной ситуации приветствия нами были зафиксированы определенные этикетные жесты – поклоны, объятия, поцелуи, отражающие определенные социальные, межличностные, возрастные, гендерные отношения, отмечена полисемия жестов (поклона, поцелуя). При сравнении древних и современных форм были установлены некоторые параллели в использовании жестов либо зафиксированы модели перехода из сферы невербального употребления в вербальное “передать поклон”, “целовать ручки” и т. д.) Многие невербальные знаки, жесты выходят из обихода и практики речезтикетной коммуникации.

Використана література:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.- М.: Языки русской культуры, 1999. – 869 с.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3-х томах. – М., 1984.
3. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. – Ленинград, 1990. – 165 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Мані пуляція сві домістю: Навчальний посібник. – К.: Оріяни, 2003. – 500 с.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
6. Пословицы русского народа: Сборник В.Даля: В 3-х т. – Т.3 – М.: Русская книга, 1994. – 736 с.
7. Радевич-Винницький Я. Етикет і культура спілкування. – Львів: В-во “СПОЛОМ”, 2001. – 223 с.
8. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. – М.: Изд-во АН СРСР, 1963.
9. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – Ленинград, 1936.

Нагорна А.Ю.

ЛІТЕРАТУРА ТА ФІЛОСОФІЯ, ЇХ ІНТЕГРАЦІЯ НА УРОКАХ ЗАРУБІЖНОЇ ЛІТЕРАТУРИ (НА МАТЕРІАЛІ ТРАГЕДІЇ “ГАМЛЕТ” ВІЛЬЯМА ШЕКСПІРА)

Проблема міжпредметних зв'язків у шкільному курсі зарубіжної літератури не є новою. Їх використання – обов'язкова вимога до уроку. Найбільшу увагу методисти та вчителі приділяють саме зв'язкам літератури з історією, літератури з образотворчим мистецтвом, літератури та музики (Бабенко К. І., Вітченко А. О., Грибан Г. В., Доманський В. А., Сафарян С. І.). Методика використання філософських праць на уроках зарубіжної літератури розроблена недостатньо.

Навчитися читати художню літературу – означає мати уявлення про неї, про її природу, специфіку. Важливо отримати не тільки поверхове враження від слова. Але досягнути глибину літературного твору не можливо без розуміння законів художньої творчості, без знань про країну, добу, розвиток культури певного періоду.

На уроках літератури необхідна інтеграція літератури з теорією літератури, історією, філософією, географією, іноземними мовами, образотворчим мистецтвом, музикою. Залучення цих предметів на уроках із зарубіжної літератури – не самоціль,